

УДК 821.161.1:82-94

КРЫМСКАЯ (ВОСТОЧНАЯ) ВОЙНА 1853–1856 гг. В ЖИЗНИ И МЕМУАРАХ А. А. ФЕТА

Баранская Е. М.

*ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова»,
Симферополь, Российская Федерация
e-mail: eleni313@mail.ru*

В статье прослеживается интерпретация реалий Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг. в мемуарной прозе А. А. Фета. По материалам двухтомника Фета «Мои воспоминания. 1848–1889» исследуются военные воспоминания поэта эпохи Балтийской кампании, а также его раздумья на военную тему, возникшие под впечатлением поездки в Крым осенью 1879 г. Восприятие и литературная репрезентация военных событий поэтом анализируется с учетом его поэтико-эстетических установок. Акцентируется внимание на творческом начале мемуарной прозы, созданной лириком, поэтическое мышление которого склонно к сугубо эстетическому постижению мира, что объясняет избирательность поэтической памяти Фета.

Ключевые слова: А. А. Фет, Крымская (Восточная) война, Балтийская кампания, поездка в Крым, мемуары, «Мои воспоминания. 1848–1889», поэт-эстет.

ВВЕДЕНИЕ

Крымская (Восточная) война оказала существенное влияние на мировоззрение русского общества: вызвала всплеск национального самосознания и патриотических настроений, сформировала критико-аналитический подход к осмыслению социально-политических процессов в России, определила вектор исторических устремлений.

В период Крымской войны боевые действия развернулись в Дунайских княжествах, на Кавказе, в низовьях Амура и на Камчатке, на Балтийском, Черном, Азовском, Белом, Баренцевом морях. Однако Крым стал главной ареной военных действий, а севастопольская оборона 1854–1855 гг. приковывала внимание всего русского общества; утрата Севастополя осталась болезненной раной в памяти целого поколения, подтолкнула процесс переосмысления действительности. По словам Н. В. Шелгунова (общественного деятеля и писателя), «после Севастополя все очнулись, все стали думать и всеми овладело критическое настроение» [22, с. 77]. Крымская война нашла отражение в творчестве литераторов, придерживавшихся самых разных общественно-политических взглядов и творческих установок. Не стал исключением и А. А. Фет – участник Балтийской кампании Крымской войны. Сведения о военной службе поэта периода Балтийской кампании содержат его мемуары «Мои воспоминания. 1848–1889».

Вопрос о месте мемуарной прозы А. А. Фета в традиции изображения Крымской войны, складывавшейся в 1860–1880-е гг., поднимала Е. П. Дерябина [3]. С. Н. Кириченко писал о эстетической категории героического в произведениях Фета на тему Крымской войны [5]. Ценные материалы о крымских страницах биографии Фета, обогащенный архивными данными, представляет Л. И. Черемисинова [19]. Мы попытаемся проанализировать отражение реалий Крымской войны в воспоминаниях А. А. Фета с точки зрения мемуарной ретроспекции художника-творца, вовлеченного в движение истории.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Природа литературных мемуаров

Крымская война продолжала волновать российское общество еще долго после своего завершения, и это рождало неослабевающий интерес к свидетельствам о ее событиях. Появился значительный массив воспоминаний: о Севастопольской обороне 1854–1855 гг. (более 200 мемуаров), об иных театрах военных действий – Петропавловске-Камчатском (мемуары Ю. Е. Завойко), Одессе (мемуары К. А. Скальковского), Евпатории (мемуары В. С. Ракова, Ф. С. Стулли) и др. [12, с. 6, 23]. Детализированные описания боевых действий, тактических решений находим в мемуарах непосредственных участников войны: П. В. Алабина, В. И. Барятинского, Д. А. Столыпина, Д. И. Святополк-Мирского, С. Д. Кожухова и мн. др. [12; 14; 21].

Важный фактор индивидуализации воспоминаний – их эмоционально-субъективная окраска. Одно из свойств мемуаров – авторская субъективность, на что обращал особое внимание историк А. Г. Тартаковский (ведущий специалист в области исследования мемуаров). Личность мемуариста – во главе угла. Сквозь призму индивидуального восприятия высвечивается картина прошлого [13, с. 27]. Именно поэтому субъективность мемуаристов воспринимается «составной частью информации мемуаров»: есть «возможность рассмотрения значительно более широкого спектра вопросов, чем это отражено в выраженной (актуальной) информации» [2, с. 136].

Суть мемуаристики вообще – в ретроспективном осмыслении прошлого и в той мере, в какой оно полно смысла для нынешнего дня [4, с. 89]. Очевидно, что хронологическая дистанция между моментами свершения событий и их воссоздания в мемуарах влияет на авторское отношение к ним: «тогда» и «сейчас» может различаться [13, с. 30]. При этом мемуары – резервуар информации о прошлом.

Отсюда проистекает многомерность природы мемуаристики, которая может рассматриваться в разных аспектах: социокультурном (как феномен культуры, который отражает общественную активность людей прошлого), литературоведческом (как художественный жанр), источниковедческом (как источники познания прошедшей действительности, отражающие историческое самосознание автора). По мнению Н. Г. Георгиевой, мемуары дуалистичны: документальны, «как остаток <...> старины», и нарративны, отражают «отдельные аспекты культуры прошедших эпох» [2, с. 136].

Мемуарные свидетельства участников и очевидцев Крымской войны – важный документально-исторический источник. При этом литературное осмысление исторических событий настолько разнолико и авторски-ориентированно, что специалистам-историкам затруднительно составить объективное представление о произошедшем, чего, в частности, опасался контр-адмирал В. А. Стеценко, рассуждая о Крымской кампании (1872) [12, с. 22].

Тем не менее, на важность мемуаров как исторических источников указывал еще в 1891 г. историк Н. Д. Чечулин в лекции «Мемуары, их значение и место в ряду исторических источников», произнесенной перед началом курса «Русские мемуары XVIII в.». Изучение мемуаров «может оказать громадные услуги правильному пониманию прошлого» [20, с. 7], поскольку нельзя утвердиться в знании исторического значения того или иного события, «если не знаешь в точности его

значения для современников, его влияния на них, наконец, его понимания современниками, теми, кто создавал это событие, кто жил с ним, кто им увлекался, радовался, гордился или страдал» [20, с. 8]. Ценность мемуаров тем более значима, что они предполагают бесхитрость описаний, авторское самопредъявление в простых житейских ситуациях, откровенность и простоту изложения. Правда, уже к исходу XIX в. осознавалась «сотворенность» современной на тот момент мемуарной прозы, ее ориентация на прочтение грядущими поколениями читателей, в отличие от мемуаристов былого, в частности, XVIII в., когда «писали как думали» [20, с. 9]. Например, сознательно работает над своим писательским образом в дневниковых записях, мемуаристике и эпистолярной литературе современник и друг А. А. Фета Я. П. Полонский [1, с. 116–125], для которого обращение к мемуаристике – и следствие возрастной ностальгии, и «способ утверждения своего писательского имени в истории литературы» [1, с. 121–122]. Поэтому мемуарная проза – еще и важный источник для жизнеописания поэта/писателя. (В значительной степени это относится и к поэзии). При воссоздании личности поэта по его литературно-художественным произведениям следует принимать во внимание «сотворенность» его литературного образа. За мемуарами поэта стоит художник-творец.

Военные впечатления, наблюдения и раздумья А. А. Фета запечатлены в первой части мемуаров «Мои воспоминания. 1848–1863 гг.», имеют многолетнюю протяженность в его поэтической памяти и получают продолжение и развитие во второй части мемуаров («Мои воспоминания: 1864–1889 гг.») в связи с поездкой в Крым осенью 1879 г.

Балтийская кампания в мемуарной прозе поэта

13 февраля 1854 г. в составе Лейб-гвардии уланского полка А. А. Фет был отправлен для обороны балтийского побережья на случай высадки английского десанта. Вероятность такого развития событий была велика, и Россия сосредоточила на этом направлении около 200 тысяч войск [8, с. 15]. Неприятельский флот не решался на атаку российских морских баз, а потому воспоминания Фета не содержат напряженных батальных сцен, но многое говорят об армейском быте, о природе и нравах Остзейского края. Отсутствие активных боевых действий порою позволяло Фету предаваться вполне мирным развлечениям, например, рыбалке:

«<...> Я соблазнился дивною равниною пустынного озера и, попросивши мальчика накопать червей, отомкнул стоявший у плота ялик и, вооружась двумя удочками и парюю весел, выехал саженой на сто от берега. <...> Я вполне блаженствовал при неслыханной удаче. Я едва успевал снимать с крючков огромных окуней, и только-что оправившись и закинешь крючок, как другое удилице уже нагибается и трепещет, колеблемое могучим окунем» [3, ч. 1, с. 64–65].

Воспоминания насыщены живописными зарисовками. Так, скажем, Фет описывает Балтийский порт:

«Несмотря на небольшую, главную улицу с прекрасными на вид каменными домами, город носил какой-то декоративный характер. Это было точно улица на картине, на которой художник забыл поместить людей, и, сколько на нее

ни смотри, никогда не дождешься ни проезжего, ни прохожего. Исключение можно было видеть только с раннего утра часов до десяти на гавани, куда в эту пору съезжались лодки рыбаков, наполненных серебристой килькою ночного улова» [3, ч. 1, с. 80].

Даже вид далеких неприятельских фрегатов передан Фетом очень поэтично: «ходили под парусами и <...> имели вид громадных хищных птиц, раскинувших крылья над волнами» [15, ч. 1, с. 53].

Необычная красота местной природы наводила Фета на философские раздумья:

«Северное сияние в блеске, какого великолепнее едва-ли может быть на полюсе. Чего тут не было, начиная с самых разноцветных радуг, огненных снопов и Фонтанов! <...> Каждый раз, когда я вспоминаю это могучее явление, я не могу отделаться от мысли, что оно своею изумительною правильностью лучше всего служить иллюстрацией мысли о мире, как нашем субъективном представлении <...>» [15, ч. 1, с. 67].

Гвардейские воспоминания Фета периода Балтийской кампании лирически фрагментарны. Фет здесь – не документалист, он поэт-наблюдатель, который включает в свой рассказ живые картины, передает эмоциональное восприятие реальности, в чем и признается: «Одно дело, в видах всяких политических и иных соображений, писать о какой-либо стране, а другое – отдавать себе отчет в произведенном ею непосредственном впечатлении» [15, ч. 1, с. 50].

А. А. Фета весьма заинтересовали быт остзейских дворянских хозяйств и колорит местного жизненного уклада: «Все дворянские дома и усадьбы, переходящие от отца к сыну, массивно сложены из гранитных камней, обильно разбросанных, по полям. <...> Дворяне не дробят имений, а передают их одному из сыновей, помогающему братьям на избранном ими поприще государственной или частной службы. Дочери богатого графа, обносящие вокруг стола кушанья, ясно указывают на то, что дворяне полагают унижение своего достоинства не в этом акте и ему подобных, а в чем-то другом, хотя преисполнены чувством собственного достоинства никак не менее наших <...>» [15, ч. 1, с. 51]. Фет описывает эти подробности как внимательный бытописатель, но вывод делает как художник-творец: «Словом, весь жизненный строй напоминает растение, расцвет которого не мешает ему глубоко пускать корни в почву, запасаясь все новыми силами» [15, ч. 1, с. 51].

А. А. Фет впечатлен гостеприимством местных помещиков: «Эскадроны наши стояли по разным Фольваркам, а офицеры размещались по помещикам, которые оказывали им самое радушное гостеприимство. <...> Так и нам пришлось познакомиться с прекрасным семейством Б-ге, состоявшим из пожилого мужа, жены и трех прелестных дочерей-девиц. <...> Отношения постояльцев к хозяевам были самые семейные <...>» [15, ч. 1, с. 64]. Он говорит о культурных обычаях остзейцев, о произведенном на него «впечатлении культурной страны, которую глаз беспрестанно сравнивал с нашею Русью» [15, ч. 1, с. 51].

Безусловно, воспоминания А. А. Фета содержат описания военных событий и инцидентов, и здесь проявляются склонность к анализу и порою критический взгляд автора на положение военных дел: армейские беспорядки, бестолковость офицерских

распоряжений как следствие «канцелярской неурядицы». Фет признавался: «Строго подчиняясь распоряжениям свыше, я был обстоятельствами вынужден критически отнестись к своему положению. Нельзя толково исполнять то, чего не понимаешь <...>». А он, в частности, не понимал, «почему в охрану береговой линии от десанта, – очевидно пехоты, вооруженной дальнотрельными ружьями, – выставлена кавалерия, вооруженная пиками и саблями» [15, ч. 1, с. 56]. В воспоминаниях Фета мы встречаем рассуждения о тактике ведения военных действий, особенностях устройства береговой охраны и проч. При этом информация в мемуарах не ограничена исключительно реалиями Остзейского края, Фет в курсе последних военных действий на разных участках фронта. Так, он приводит выдержки из переписки с И. П. Борисовым, с которым был связан узами братской дружбы с малых лет. Тот посвящал поэта в перипетии своей военной службы: «Командуя Куринскою ротой при Данчсхуте, Чолохе и Баш-Кадыкларе, он подробно описывал мне все походы, всю бивачную жизнь и поистине геройские подвиги полка» [15, ч. 1, с. 69]. В письме от 3 июня 1854 г., как помечено в мемуарах Фета, из лагеря на Ценис-Цхале И. П. Борисов повествует о военных операциях в Гурии, участником которых он был (сражение при Ланчсхуте 27 мая и на р. Чолохе 4 июня) [15, ч. 1, с. 70–71]. Поручик Кронид Александрович Панаев, вернувшись из действующей армии за Дунаем, рассказывал о событиях, свидетелем которых был лично [15, ч. 1, с. 86]. Местом притяжения для молодых офицеров описана Фетом Севастопольская армия – красноречивый эпизод жребия об отправке в Севастополь, когда из восьми претендентов жребий вновь выпал К. А. Панаеву [15, ч. 1, с. 101].

В мемуарах Фета почти нет точной датировки событий, лишь изредка встречаются косвенные указания, позволяющие датировать тот или иной факт. Например, гостеприимный хозяин рассказывает Фету семейное предание о трости Петра Великого, хранящейся в семье как реликвия, и становится ясным, что общение это происходило уже после начала осады Севастополя: «Я уверен, что портрет и трость существуют и по сей день, и никогда не забуду, как хозяин со слезами на глазах говорил про императора Николая по случаю неблагоприятных вестей из Крыма: “нет, нет, государь этого не переживет”» [3, ч. 1, с. 67].

Весной-летом 1854 г., в период войны, на берегу Балтийского моря поэт создает «Приморские стихотворения» (1854), которые позднее включит в цикл под названием «Море»¹: «Вечер у взморья» (впервые – «Современник», 1856); «Жди ясного на завтра дня...» (впервые – «Современник», 1854), о котором Б. Алмазов отозвался как о собрании «всех самых характеристических недостатков произведений г. Фета»

¹ Цикл «Море» впервые включен в состав «Стихотворений А. А. Фета» в 1863 г., возник из цикла «Приморских стихотворений», куда вошли стихотворения «Вечер у взморья», «Жди ясного на завтра дня...» и «Ночь весенней негой дышит...». «Приморские стихотворения», по предположению Н. П. Генераловой, были написаны во время пребывания Фета в Эстляндии и Лифляндии (февраль 1854 г. – март 1856 г.). В дальнейшем к циклу добавились стихотворения периода пребывания во Франции и Италии (октябрь 1856 – январь 1857 г.), написанные под впечатлениями от Средиземного моря. При подготовке «Вечерних огней» (1883) Фет сохранил название цикла, дополнив его четырьмя стихотворениями, в том числе – не опубликованным в свое время Н. А. Некрасовым в «Современнике» стихотворением «Буря» («Свежеет ветер – меркнет ночь...»), датированным 27 июня ст. ст. 1854 г. [18, т. 1, с. 478].

[17, с. 755]; «Ночь весенней негой дышит...» (впервые – «Современник», 1854); вероятно, к балтийскому периоду следует отнести и стихотворение «Морской залив» (впервые – «Современник», 1856) [17, с. 240–242; 18, т. 1, с. 277, 216, 215, 221]. Это живописная романтическая галерея этюдов Балтийского моря, где главенствует таинство ночного пейзажа. Спустя годы Фет в мемуарах постарается пояснить историю замысла цикла:

«За целое лето у меня было достаточно времени присмотреться к морю во всех его бесконечно разнообразных видах. <...> Тут и красота моря, и море красоты! Ежедневная близость моря меня победила окончательно, чему свидетельством служат все мои приморские стихотворения, принятые в тогдашнее время тургеневским литературным кругом так сочувственно. Чудные дни, чудные лунные ночи! <...> Сколько раз случалось мне неохотно покидать нагретую постель и смотреть на берег в небольшое окошечко. Ничего! Только белоголовые зайчики поднимаются по всей дали в лунном сиянии» [15, ч. 1, с. 59–60].

Об отношении к «приморским стихотворениям» «тургеневского круга» Фет знал от самого И. С. Тургенева, который писал поэту: «Некрасов, Панаев, Дружинин, Анненков, Гончаров – словом, весь наш дружеский кружок вам усердно кланяется. <...> Что вы мне пишете о Гейне? Вы выше Гейне, потому что шире и свободнее его» [15, ч. 1, с. 104].

В период Крымской войны А. А. Фет бывал в Петербурге, часто – в литературном сообществе, но и там встречал постоянные напоминания о боевых действиях. В одно из посещений столицы Фет на квартире И. С. Тургенева познакомился с Л. Н. Толстым, вернувшимся из Севастополя «с батареи» [15, ч. 1, с. 105–106]:

*«<...> В углу заметил полусаблю с анненской лентой.
– Что это за полусабля? – спросил я, направляясь в дверь гостиной. <...>
– Это полусабля графа Толстого, и они у нас в гостиной ночуют. <...>
В продолжение часа, проведенного мною у Тургенева, мы говорили вполголоса из боязни разбудить спящего за дверью графа.
– Вот все время так, – говорил с усмешкой Тургенев. – Вернулся из Севастополя с батареи, остановился у меня и пустился во все тяжкие. <...>
В этот же приезд мы и познакомились с Толстым <...>» [15, ч. 1, с. 105–106].*

Исторический фон крымской поездки

Побывать в Севастополе Фету довелось лишь осенью 1879 г. С 25 сентября по 8 октября он с женой Марьей Петровной и управляющим имением Александром Ивановичем Иостом путешествовал по полуострову: навестил сослуживца по кирасирскому Орденскому полку Ксенофонта Федосеевича Ревелиоти (в имении под Бахчисараем, селение Актаци) и «орденца» Александра Андреевича Кази (в Севастополе), наведаясь в Ялту, Ливадию, Байдарскую долину.

В письме от 20 сентября 1879 г. Фет сообщал Н. Н. Страхову: «<...> Давно хотелось мне видеть Крым, а теперь у меня там, в Бахчисарае, отыскался старый сослуживец-однополчанин, который нас поджидает» [16, с. 290]. А уже 10 октября 1879 г. Фет делился со Страховым крымскими впечатлениями: «Крым – это рай земной с громадными кипарисами, лимонами, не говоря о персиках – и даже с гранатами. – Но всюду следы русской апатии и беспомощности. Крым в настоящее время тот же Севастополь. <...>» [16, с. 291]. Последние фразы нуждаются в комментарии.

Сельское хозяйство Крыма находилось тогда не в самом цветущем состоянии. Прежде всего, тому были системные, общегосударственные причины. Помещиков вытесняли предприимчивые представители быстро развивавшейся буржуазии. Архаичная манера управления помещичьими хозяйствами показывала себя неконкурентоспособной, что вело к их упадку. Фет наблюдал такого рода картину в разных регионах страны и, по верному замечанию Л. И. Черемисиновой, причину видел «в бездельи, в опустошительном влиянии цивилизации, в распространении оторванного от жизни образования» [19, с. 293].

Но учитывать следует и специфическое для Крыма обстоятельство – тяжелейшие последствия военных действий. В период Крымской войны существенно пострадала экономика всего полуострова, разорению подверглись Керчь, Евпатория, южнобережные селения, но самый страшный удар пришелся по Севастополю. Город был сильно разрушен постоянными ударами артиллерии уже в период осады англо-французами, значительная часть военных объектов была взорвана во время отхода из крепости российскими войсками [6, с. 144]. Затем в течение нескольких месяцев остатки города целенаправленно разорялись и уничтожались вошедшим на Южную сторону неприятелем. После заключения мира англо-французы вывезли из разрушенного Севастополя даже «осколки снарядов <...>, свинцовые пули, камни разрушенных домов» [8, с. 37]. Неприятелем были взорваны портовые доки, представлявшие собой грандиозное и сложное сооружение [6, с. 263], и даже акведуки, питавшие город пресной водой от истоков реки Черной [6, с. 272].

По условиям Парижского мира Россия не имела права иметь на Черном море военно-морские базы [8, с. 63, 340], что делало невозможным восстановление города в качестве военной крепости. Лишь в 1871 г. Россия освободилась от этого ограничения, но и тогда, учитывая масштабы разрушений и транспортные сложности, процесс восстановления шел очень медленно. Ситуация стала улучшаться лишь после строительства железной дороги, которая была доведена до Севастополя в 1875 г.

До войны всякий путешественник восхищался великолепием Севастополя, оценивая молодой город на фоне руин древнего Херсонеса, представлявших собой «лишь груды камней без имени и характера» [7, с. 194]. После войны и сам Севастополь мало чем отличался от развалин Херсонеса, и это рождало тягостные чувства. Через двадцать с лишним лет после войны Фет в Севастополе оказывался обстановке военной разрухи.

Несомненно, крымская поездка проходила под знаком Севастопольской обороны 1854–1855 гг. По признанию Фета, город тогда «производил самое тяжелое впечатление почти сплошными развалинами»: «Кроме изуродованных стен в бывших

домах ничего не оставалось и, благодаря мощной южной растительности, в разломанные амбразуры окон и дверей порою виднелись зеленеющие деревья» [15, ч. 2, с. 375]. Тогда же поэт посетил братское кладбище участников Севастопольской обороны. 12 ноября 1879 г. А. Фет подтверждает факт своей поездки в Крым: «Были мы с женой в прелестном Крыму <...>» [16, с. 293]. Более в Крыму поэту не довелось побывать. Однако через несколько лет, 4 июня 1887 г., он напишет стихотворение «Севастопольское братское кладбище»¹ (вошло в раздел «Элегии и думы» третьего выпуска сборника «Вечерние огни») – торжественно-возвышенное, само ставшее вечной памятью чистой славе героев, погибших за Отечество: «Рукою набожной сложила здесь отчизна / Священный прах своих сынов» [17, с. 111; 18, т. 5, кн. 1, с. 200]. А. Фет отправил стихотворение К. Ф. Ревелиоти 18 июня 1887 г., сопроводив словами: «Нет жизненной школы выше фронтовой жизни, которая в наше время заменяет палестру древних греков» [цит. по: 18, т. 5, кн. 1, с. 610]. В том же письме поэт дает авторский комментарий к стихотворению, которое явилось попыткой «уловить впечатление» [цит. по: 18, т. 5, кн. 1, с. 610], произведенное Севастопольским братским кладбищем.

Подробности крымского путешествия Фета зафиксированы также в записной тетради А. Фета, в его переписке с К. Ф. Ревелиоти и его семьей, в письмах от А. А. Кази, на которые ссылается Л. И. Черемисинова [19].

Крым военный и послевоенный в воспоминаниях А. А. Фета

Поездка А. А. Фета в Крым отразилась во второй части его мемуаров [15, ч. 2, с. 372–380]. «Наслушавшись зимою восторженных восклицаний Каткова об очаровательной природе Крыма, – пишет Фет, – я все лето толковал, что стыдно проживать в недалеком сравнительно расстоянии от Крыма и умереть, не видавши Южного берега, невзирая на Севастопольскую железную дорогу. К этому желанию случайно присоединился дошедший до меня слух, что добрый мой товарищ, однополчанин кирасирского Военного Ордена полка, – Ревелиоти, покинувший полк еще до Венгерской кампании, женат и проживает в своем имении близ станции Бахчисарай» [15, ч. 2, с. 372].

Ксенофонт Федосеевич Ревелиоти, о котором говорит Фет, – представитель весьма известного в Крыму семейства [11]. Отец Ксенофонта – Феодосий (Теодосиос) Ревелиоти – уроженец Греции из города Триполиса. Он был одним из тех греков, которые не хотели мириться с турецким господством и в екатерининскую эпоху нашли свое поприще на службе России, основав в Крыму Балаклавский пехотный батальон [10, с. 77]. В период русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Ф. Ревелиоти в составе российского флота сражался на Средиземном море, получил ранения. В 1797 г. стал капитаном Балаклавского греческого пехотного батальона, выполнявшего функции береговой пограничной стражи [10, с. 79]. В 1810 г., командуя высадкой десанта на турецкое побережье, проявил героизм и получил тяжелые ранения [10, с. 80–81]. Позднее в звании полковника возглавил Балаклавский греческий батальон, был в Крыму личностью уважаемой и

¹ Стихотворение «Севастопольское братское кладбище» датируется 4 июня 1887 г. по дате в письме к К. Ф. Ревелиоти и в «Вечерних огнях» 1888 г. [18, т. 5, кн. 1, с. 610].

легендарной. Кроме того, он был одним из самых состоятельных землевладельцев на полуострове [10, с. 82]. Во время Крымской войны имения Ревелиоти близ Бахчисарая и на Южном берегу подверглись разграблению [9, с. 98, 214].

Сослуживцем Фета был сын Феодосия Ревелиоти Ксенофонт, и зимой 1878–1879 гг. поэт был занят поисками его адреса: обращается за помощью к бывшему сослуживцу С. Аргамакову (письмо от С. Аргамакова А. Фету от 29 декабря (ст. ст.) 1878 г.), другу молодости Александре Львовне Бржеской, херсонской помещице (эпистолярные свидетельства представлены Л. И. Черемисиновой) [19, с. 290–291].

Семьи Фетов и Ревелиоти будут поддерживать дружеские отношения и после возвращения поэта из Крыма. Их долгая переписка позднейших лет позволяет представить тон общения и темы разговоров во время крымской встречи. Письма К. Ф. Ревелиоти и членов его семьи свидетельствуют, что отношения были близкими и доверительными: беспокойство о здоровье; беседы об общих друзьях; сообщения К. Ф. Ревелиоти о сыновьях, избравших военное поприще; просьбы Марии Ксенофоновны оценить стихотворения ее неопытной руки (16 (28) марта 1891 г.), выражение ею радости по поводу предстоящего свиданья с А. А. Фетом (31 марта (12 апреля) 1891 г.) во время вновь планируемой им поездки в благодатный Крым (желание так и не осуществилось) и др. Были и общие хозяйственные интересы: беседы о состоянии и ведении помещичьего хозяйства, обсуждение продажи Фету сада в Актачи, просьба Ревелиоти о помощи в извлечении прибыли из лесных владений и проч. [19, с. 291–292]. Переписка между семьями продолжится и после ухода из жизни Ксенофонта Федосеевича 1 (13) августа 1880 г. до самой смерти А. А. Фета [19, с. 293]. В мемуарах Фета отразилась та же доброжелательность отношений. Так, например, говорится, что Марья Петровна благодарно посылает в Актачи «пуд малины, приготовленной во всех видах» [15, ч. 2, с. 380].

Мемуарные записи о крымской поездке Фета наполнены живыми переживаниями, вызванными рассказами о севастопольских сражениях. Дружеский круг поэта – полковые сослуживцы и участники севастопольской битвы: полковник А. А. Кази жил на военную пенсию (да еще на скромные доходы с наследственных садов) в Севастополе в доме зятя своего, отставного капитана Реунова, тоже получающего пенсию за свою севастопольскую службу (какое-то время во время обороны командовал Николаевским бастионом при входе в Северную бухту). Общение Фета, Кази и Реунова в 1879 г. протекает на фоне развалин, не разобранных еще со времен войны и «красноречивее всяких обитаемых жилищ» для хозяина, который так и не смог собраться с духом и перестроить старый дом, что напоминает ему «не только время осады, но и покойную <...> жену, жившую в нем почти до полного его разрушения» [15, ч. 2, с. 377].

Из восьми с половиной страниц мемуарного текста Фет отводит более страницы для рассказа о судьбе этой женщины (сестры А. А. Кази). Во время войны она стоически сохраняла порядок мирной жизни, оберегала устои семьи, законы человеческого сострадания: она неизменна в обыденном процессе вязания чулок на «обычном месте под окном», равно как и в ежедневном посещении (с чайными принадлежностями) мужа на Николаевском бастионе под огнем неприятельского флота, в уходе за ранеными, потому что «иначе поступать не может» [15, ч. 2, с. 377].

Таких женщин хранит само провидение: «бомба, пробивши крышу и потолок, прошибла пол у ног жены и, пройдя антресоль, разорвалась в подвальном этаже, в котором отдыхала и чистилась сменившаяся рота» [15, ч. 2, с. 377]. Помимо нее выжил младенец (сын столяра), укрытый грудой мертвых тел. «День в день через 20 лет после этого происшествия» жена Реунова скончалась. Ее поведение в ретроспективном восприятии А. Фета – образец тихого и истинного героизма.

Объяснимо, что после рассказа о покойной сестре А. А. Кази поэт переходит к впечатлениям от посещения Севастопольского братского кладбища. Что важно: событийных описаний здесь нет. Есть лишь лирический этюд, передающий тревожное и возвышенное душевное состояние:

«Нигде и никогда не испытывал я того подъема духа, который так мощно овладел мною на братском кладбище. Это тот самый геройский дух, отрешенный от всяких личных стремлений, который носится над полем битвы и один способен стать предметом героической песни» [15, ч. 2, с. 378].

Ощущения, пережитые Фетом на братском кладбище, заставляют его обратиться мыслями к прежним эпохам, увидеть в подвиге защитников Севастополя ту героиню, которая со времен Гомера становилась бессмертной благодаря поэзии: «героические песни кровавой битвы» рождаются не поэтической гордыней, а природой самого дела, и «вековечный пример защитников Севастополя, почивших на братском кладбище, никогда для нас не пропадет, и Россия не перестанет рождать сынов, готовых умереть за общую мать» [15, ч. 2, с. 378–379].

Даже природная красота Байдарской долины у Фета ассоциируется с трагедией Севастополя: «Грустно видеть, как знаменитая Байдарская долина, благодаря неприятельскому пребыванию, все более и более, по мере приближения к Севастополю, теряет свою лесную одежду и связанное с нею орошение» [15, ч. 2, с. 380].

Мемуары А. А. Фета необходимо воспринимать и интерпретировать, принимая во внимание установку автора, оговоренную в начале первой части «Моих воспоминаний»; она подразумевает важную роль творческого начала в мемуарной прозе поэта и дает ключ к осознанию художественно-литературной позиции Фета в интерпретации событий Крымской войны: «Находясь, можно сказать, в природной вражде с хронологией, я буду выставлять годы событий только для соблюдения известной последовательности, нимало не отвечая за точность указаний, в которых руководствуюсь более соображением, чем памятью» [15, ч. 1, с. 1]. Действительно, воспоминания о крымской поездке отнесены Фетом к осени 1880 г.: размещены между письмами Л. Н. Толстого к Фету от 8 июля и от 26 сентября 1880 г. и повествованием об убийстве Александра II (1 (13) марта 1881 г.)¹. Л. И. Черемисинова объясняет это искажение хронологии абберрацией памяти поэта [19, с. 293]. В причине этой абберрации мы склонны видеть специфику самого поэтического мышления Фета, склонного к сугубо эстетическому постижению мира. Не случайно В. П. Боткин писал в статье о Фете: «Поэт, под одеждою временного, имеет в виду только вечные

¹ А. А. Фет начал работу над мемуарами в 1887 г. [19, с. 290].

свойства души человеческой... И тем всегда глубже и прочнее действие поэтического произведения, чем независимее оно от временных и, следовательно, скоропреходящих интересов» [цит по: 17, с. 15]. Природа и любовь – истинно «вечные» темы поэзии. «Поэзия, или вообще искусство, есть чистое воспроизведение не предмета, а только одностороннего его идеала; <...> художнику дорога только одна сторона предметов: *их красота* <...>», – убежден Фет (ст. «О стихотворениях Ф. Тютчева», 1859). Поэтическая деятельность, по А. А. Фету, складывается из объективного элемента и субъективного – «зоркости поэта – этого шестого чувства, не зависящего ни от каких других качеств художника». При отсутствии «зоркости, чутья» литератор не может быть поэтом: «Так как мир во всех своих частях равно прекрасен, то внешний, предметный элемент поэтического творчества безразличен. Зато другой, внутренний: степень поэтической зоркости, ясновидения – всё» [18, т. 3, с. 177]. А. А. Фет и в мемуарной прозе – лирик, выхватывающий из реальности то, что имеет непреходящее значение, и не придающий большого значения календарным датам.

«Эстетически организованным» представляет жизненный путь поэта С. Н. Кириченко, а мемуарные свидетельства обороны Севастополя в 1854–1855 гг., как и вообще поездку в Крым, – продвижением жизненных планов эстета [5, с. 59–60]. Фет и почитал себя «эстетическим человеком» [16] – так, например, называл себя в письме к Н. Н. Страхову в ноябре 1877 г. Крымская поездка продемонстрировала, что поэту были вняты не только природные красоты, но и возвышенная красота воинского подвига.

ВЫВОДЫ

Судьба сложилась таким образом, что при участии в Балтийской кампании Крымской войны А. А. Фету не пришлось участвовать в сражениях и наблюдать жестокий трагизм боевых действий. Этим и обусловлены тематика и настроение его мемуаров того периода: перед глазами читателя – картины местной природы и описания местных нравов. Эти воспоминания лирически фрагментарны и отмечены высокой степенью субъективности. Прагматизм зоркого наблюдателя часто сменяется поэтическими размышлениями, обнаруживающими красоту в деталях окружающего мира.

В Крым Фет попал немолодым человеком, помещиком, принадлежащим к тому типу землевладельцев, которых принято называть словами «крепкий хозяин». Его интересуют экономические и хозяйственные особенности крымской жизни, что и отразилось в мемуарах, но в гораздо большей степени его впечатляет вид разрушенного войной Севастополя и рассказы сослуживцев о прошлых боевых действиях в Крыму. Своеобразной идеологической и эмоциональной кульминацией «крымского эпизода» воспоминаний становится фрагмент, написанный под впечатлением от посещения Севастопольского братского кладбища. Причем эти впечатления оказались настолько сильными, что через несколько лет после посещения Крыма Фет напишет знаменитое стихотворение «Севастопольское братское кладбище» (1887). Ощущения поэта, выраженные в прозаическом тексте мемуаров, таким образом получили эстетическую огранку, призванную увековечить возвышенную красоту ратного подвига.

Список литературы

1. Баранская Е. М. Лирический герой и литературная личность Я. П. Полонского. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2020. – 184 с.
2. Георгиева Н. Г. Мемуары как феномен культуры и исторический источник // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2012. – № 1. – С. 126–138.
3. Дерябина Е. П. Балтийская кампания Крымской войны в гвардейских воспоминаниях Фета // Мат-лы Междунар. научной конференции «Стихи имеют свои права...». К 200-летию Афанасия Афанасьевича Фета, 16–17 ноября 2020 г., ИРЛИ РАН. – СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2020. – С. 46–47.
4. Ермилова Г. Г. Художественное своеобразие мемуаров Н. К. Михайловского // Факт и художественный образ: межвуз. сб. науч. трудов. – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1989. – С. 88–98.
5. Кириченко С. Н. Крымская война в прозаических и поэтических произведениях Афанасия Фета // XII Сургучевские чтения. Литература и журналистика в пламени войны: от Первой мировой до Великой Победы: сб. материалов всерос. научно-практич. конференции (Ставрополь, 27–28 февр. 2015 г.). – Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2015. – С. 56–61.
6. Орехов В. В. В лабиринте крымского мифа. – Симферополь; Нижний Новгород: «Растр», 2017. – 579 с.
7. Орехов В. В. Французенка Омер де Гелль и ее путешествие по Крыму // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2004. – №8. – С. 183–215.
8. Орехов В. В. Французская армия у стен Севастополя: 1854–1855 гг. – Симферополь: Таврия-Плюс, 2003. – 280 с.
9. Орехова Л. А., Орехов В. В., Первых Д. К., Орехов Д. В. Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников: литература, архивы, пресса. – Симферополь: ОАО «СГТ», 2010. – 480 с.
10. Орехова Л. А., Первых Д. К. Письмо П. П. Свинына в «Отечественные записки» как материал для комментария к «Путевым заметкам» А. С. Грибоедова // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. 2020. – Т. 6 (73). – № 4. – С. 70–91.
11. Орехова Л. А., Первых Д. К. Ф. Ревелиоти: архивный комментарий к Крымским заметкам А. С. Грибоедова и письму П. П. Свинына в «Отечественные записки» 1825 года // «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской...». Мат-лы междунар. конф. 7–9 октября 2015 г. Хмелитский сборник. Вып. 17. Вязьма-Хмелита, 2016. – С. 116–130.
12. Патрикеева М. В. Крымская война 1853–1856 гг. в литературной памяти современников: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – М., 2022. – 28 с.
13. Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковедческого изучения. – М.: Наука, 1980. – 312 с.
14. Федянова Г. В. Крымская война в русской поэзии 1850-х годов: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Коломна, 2008. – 251 с.
15. Фет А. А. Мои воспоминания. 1848–1889: в 2-х ч. – М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1890. – Ч. 1: 1848–1863. – 452 с.; Ч. 2: 1864–1889. – 402 с.
16. Фет А. А. Переписка с Н. Н. Страховым // Литературное наследство. Т. 103. А. А. Фет и его литературное окружение: в 2-х кн. – Кн. 2. – М.: ИМЛИ РАН, 2011. – С. 233–550.
17. Фет А. А. Полное собрание стихотворений. – Л.: Советский писатель. – 1959. – 905 с.
18. Фет А. А. Сочинения и письма / Редкол.: А. В. Ачкасов и др.; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) РАН, Курский гос. пед. ун-т. – М.: Академический проект, 2002–. – Т. 1: Стихотворения и поэмы, 1839–1863. – 2002. – 550, [2] с.; Т. 3: Повести и рассказы; Критические статьи. – 2006. – 517 с.; Т. 5, кн. 1: Вечерние огни. – 2014. – 694, [1] с.
19. Черемисинова Л. И. Крымская страница в биографии Фета: Афанасий Фет и Ксенофонт Ревелиоти // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. – 2021. – Т. 21. – Вып. 3. – С. 289–295.
20. Чечулин Н. Д. Мемуары, их значение и место в ряду исторических источников. Вступительная лекция, читанная в Санкт-Петербургском университете 22 января 1891 г.

перед началом курса «Русские мемуары XVIII в.». – СПб.: Ред. журн. «Библиограф» (Н. М. Лисовского), 1891. – 16 с.

21. Шаповалова Н. В. Художественная литература и мемуары как источник по изучению обороны Севастополя в 1854–1855 годах: дисс. ... канд. историч. наук: 07.00.09. – М., 2018. – 209 с.
22. Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания: в 2-х т. Т. 1: Воспоминания Н. В. Шелгунова. – М.; Л.: Худож. лит., 1967. – 510 с.

References

1. Baranskaya YE. M. *Liricheskii geroi i literaturnaya lichnost' Ya. P. Polonskogo* [Lyrical hero and literary personality of Ya. P. Polonsky]. Simferopol, Arial Publ., 2020. 184 p.
2. Georgieva N. G. *Memuary kak fenomen kul'tury i istoricheskii istochnik* [Memoirs as cultural phenomenon and historical source]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*, 2012, no. 1, pp. 126–138.
3. Deryabina E. P. *Baltiiskaya kampaniya Krymskoi voiny v gvardeiskikh vospominaniyakh Feta* [The Baltic campaign of the Crimean War in the guards memoirs of Fet]. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Stikhi imeyut svoi prava...». K 200-letiyu Afanasiya Afanas'evicha Feta, 16–17 noyabrya 2020 g., IRLI RAN*. St. Petersburg, Izdatel'stvo Rostok Publ., 2020, pp. 46–47.
4. Ermilova G. G. *Khudozhestvennoe svoeobrazie memuarov N. K. Mikhailovskogo* [Artistic originality of the memoirs of N. K. Mikhailovsky]. *Fakt i khudozhestvennyi obraz: Mezhd. sb. nauch. trudov*. Ivanovo, Ivanovskii gos. un-t Publ., 1989, pp. 88–98.
5. Kirichenko S. N. *Krymskaya voina v prozaicheskikh i poeticheskikh proizvedeniyakh Afanasiya Feta* [The Crimean War in the prose and poetic works of Afanasy Fet]. *XII Surguchevskie chteniya. Literatura i zhurnalistika v plameni voiny: ot Pervoi mirovoi do Velikoi Pobedy: sb. materialov vseros. nauchno-praktich. konferentsii (Stavropol', 27–28 fevr. 2015 g.)*. Stavropol, Dizain-studiya B Publ., 2015, pp. 56–61.
6. Orehov V. V. *V labirinte Krymskogo mifa* [In the labyrinth of the Crimean myth]. Simferopol, N. Novgorod, Rastr Publ., 2017. 579 p.
7. Orehov V. V. *Francuzhenka Omer de Gell' i ee puteshestvie po Krymu* [Frenchwoman Hommaire de Hell and her journey through the Crimea]. *Istoricheskoe nasledie Kryma*. Simferopol, 2004, no. 8, pp. 183–215.
8. Orehov V. V. *Francuzskaja armija u sten Sevastopolja: 1854–1855 gg.* [French army at the walls of Sevastopol: 1854–1855]. Simferopol, Tavrija-Pljus Publ., 2003. 280 p.
9. Orehova L. A., Orehov V. V., Pervyh D. K., Orehov D. V. *Krymskaja Iliada. Krymskaja (Vostochnaja) vojna 1853–1856 godov glazami sovremennikov: literatura, arhivy, pressa* [Crimean Iliad. The Crimean (Eastern) War of 1853–1856 through the Eyes of Contemporaries: Literature, Archives, Press]. Simferopol, SGT Publ., 2010. 480 p.
10. Orehova L. A., Pervyh D. K. *Pis'mo P. P. Svin'ina v «Otechestvennye zapiski» kak material dlja kommentarija k «Putevym zametkam» A. S. Griboedova* [Letter by P. P. Svinin to “Otechestvennye zapiski” as material for a commentary on “Travel Notes” by A. S. Griboedov]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2020, vol. 6 (73), no. 4, pp. 70–91.
11. Orehova L. A., Pervyh D. K. F. Revelioti: arhivnyj kommentarij k Krymskim zametkam A. S. Griboedova i pis'mu P. P. Svin'ina v «Otechestvennye zapiski» 1825 goda [F. Revelioti: archival commentary on the Crimean notes of A. S. Griboedov and the letter by P. P. Svinin in “Otechestvennye zapiski” of 1825]. *«Um i dela tvoi bessmertny v pamjati russkoj...». Mat-ly mezhdunar. konf. 7–9 oktjabrja 2015 g. Hmelitskij sbornik. Vyp. 17. Vjaz'ma-Hmelita*, 2016, pp. 116–130.
12. Patrikeeva M. V. *Krymskaya voina 1853–1856 gg. v literaturnoi pamyati sovremennikov: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Crimean War 1853–1856. in the literary memory of contemporaries. Abstract of thesis]. Moscow, 2022. 28 p.
13. Tartakovskii A. G. *1812 god i russkaya memuaristika: Opyta istochnikovedcheskogo izucheniya* [1812 and Russian memoirs: Experience in source study]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 312 p.

14. Fedyanova G. V. *Krymskaya voina v russkoi poezii 1850-kh godov: Dis. ... kand. filol. nauk* [The Crimean War in Russian poetry of the 1850s. Thesis]. Kolomna, 2008. 251 p.
15. Fet A. *Moi vospominaniya. 1848–1889: v 2-kh ch.* [My memories. 1848–1889: in 2 parts]. Moscow, Printing house A. I. Mamontov Publ., 1890.
16. Fet A. A. *Perepiska s N. N. Strakhovym* [Correspondence with N. N. Strakhov]. *Literaturnoe nasledstvo*. Moscow, IMLI RAN Publ., 2011, vol. 103: A. A. Fet i ego literaturnoe okruzhenie: v 2-kh kn., no. 2, pp. 233–550.
17. Fet A. A. *Polnoe sobranie stikhotvorenii* [Complete collection of poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1959. 905 p.
18. Fet A. A. *Sochineniya i pis'ma* [Works and letters]. Editorial board A. V. Achkasov i dr. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2002–.
19. Cheremisina L. I. *Krymskaya stranitsa v biografii Feta: Afanasii Fet i Ksenofont Revelioti* [Crimean page in Fet's biography: Afanasy Fet and Xenophon Revelioti]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 289–295.
20. Chechulin N. D. *Memuary, ikh znachenie i mesto v ryadu istoricheskikh istochnikov. Vstupitel'naya leksiya, chitannaya v Sankt-Peterburgskom universitete 22 yanvarya 1891 g. pered nachalom kursa «Russkie memuary XVIII v.»* [Memoirs, their significance and place among historical sources. Introductory lecture given at St. Petersburg University on January 22, 1891 before the start of the course “Russian Memoirs of the 18th century”]. St. Petersburg, Red. zhurn. Bibliograf (N. M. Lisovskogo) Publ., 1891. 16 p.
21. Shapovalova N. V. *Khudozhestvennaya literatura i memuary kak istochnik po izucheniyu oborony Sevastopolya v 1854–1855 godakh: dis. ... kand. istorich. nauk* [Fiction and memoirs as a source for studying the defense of Sevastopol in 1854–1855. Thesis]. Moscow, 2018. 209 p.
22. Shelgunov N. V., Shelgunova L. P., Mikhailov M. L. *Vospominaniya: v 2-kh t.* [Memoirs: in 2 volumes]. Moscow; Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1967, vol. 1: *Vospominaniya N. V. Shelgunova*, 510 p.

**OF EASTERN (CRIMEAN) WAR 1853–1856
IN THE LIFE AND MEMOIRS OF A. A. FET**

Baranskaya E. M.

The article traces the interpretation of the realities of the Eastern (Crimean) War of 1853–1856 in the everyday biography and memoirs of A. A. Fet. The memoirs of A. A. Fet about the Crimean War, which are recorded in the 1890 memoirs “My Memories”. The poet's perception and literary representation of military events is analyzed taking into account his poetic and aesthetic attitudes. The emphasis is placed on the creativity of memoir prose created by a lyricist whose poetic thinking is inclined to a purely aesthetic comprehension of the world, which explains the selectivity of A. Fet's poetic memory. It is emphasized that the attitude to the military campaign itself is not directly expressed in the memoir text, there is no exact dating of what is happening, only indirect evidence is presented. It is noted that A. Fet's memoirs of the period of the Baltic campaign are lyrically fragmentary, created by a poet-observer; highly emotional and subjective. The everyday-economic view of the author of the memoirs is justified in the aesthetic concept of the artist-creator. It has been established that the Crimean War, embodied in the faces of A. Fet's friends and colleagues, is firmly included in his biographical life, and in literature receives an aesthetic facet.

Keywords: A. A. Fet, Eastern (Crimean) War, Baltic campaign, trip to Crimea, memoirs, “My Memories. 1848–1889”, poet-esthete.